

«Государственная модель Узбекистана давно сложилась так, что неформальные отношения правят балом, а формальные фактически остаются фикцией. Именно в такой атмосфере разные политические группы интересов внутри страны начинают муссировать тему смены главы правительства, которое, по мнению некоторых, не слишком сильно отвечает сложившимся новым реалиям в Узбекистане», — отмечает в своей статье, написанной специально для CABAR.asia, политолог Рафаэль Саттаров.

Подпишитесь на наш канал в [Telegram](#)!

[English O'zbek tilida](#)

Премьер-министр Узбекистана Абдулла Арипов. Фото: oaoev.de

И действительно: несмотря на то, что премьер-министр Абдулла Арипов — человек из любимой карточной колоды президента, есть несколько причин для его смены на другую кандидатуру. И дело не столько в проблемах социально-экономической жизни страны, сколько в имидже премьер-министра на международной арене, который оставляет желать лучшего.

Репутация с подвохом

Должность главы кабинета министров в Узбекистане неоднозначная. С одной стороны, это второй по значимости пост с обширным влиянием на исполнительную власть. С другой — дальше сферы сельского хозяйства (и вообще хозяйственной сферы) полномочия премьер-министра не выходят. По сути, он остается грозным лишь для нескольких министров и хокимов (губернаторов) областей и районов. Даже министр финансов долгое время был подотчетным лично президенту, а не премьеру, как это должно быть по иерархическому статусу.

Когда стало ясно, что Шавкат Мирзиёев главой правительства назначил Абдуллу Арипова, в стране и за рубежом присутствовало удивление от такого кадрового хода президента, ведь у многих была убежденность, что пост займет Рустам Азимов — министр финансов при Исламе Каримове.

Какие могут быть причины для смены Абдуллы Арипова? Во-первых, как полагают некоторые окол властные источники, персона Арипова не слишком соответствует новому курсу президента, так как на Западе о нем не слишком приятные отзывы. Правильнее было бы использовать актуальный термин «токсичный». Причина серьезная: имя Арипова фигурирует во многих антикоррупционных расследованиях западных стран, связанных с деятельностью шведской компании TeliaSonnera (TeliaCompany).

Во время последних судебных слушаний премьер-министра Арипова требовали привлечь к даче показаний как бывшего чиновника, ответственного за телекоммуникационную сферу. Якобы он был замешан в делах дочери первого президента Узбекистана Ислама Каримова, когда та брала взятки от указанной компании за выход на рынок Узбекистана.

Гульнара Каримова, Абдулла Арипов. Фото: sputnik-inet.net.ru

Так, Ханс Станберг [считает](#), что Арипов – одно из важнейших лиц в процессе.

Станберг — адвокат бывшего главного советника евразийского бизнес-направления компании Telia Ули Туима, обвиняемого в том, что заплатил Каримовой порядка \$350 млн за продвижение в РУз.

Таким образом, чем дольше на Западе будут продолжаться судебные расследования, тем больше будет вопросов к премьер-министру, а значит – и к президенту. И пока идут торги касательно возвращения в Узбекистан денег со счетов Гульнара Каримовой, общественность постоянно будет муссировать тему вопрос, следует ли возвращать деньги правительству, во главе которого сидит человек, связанный с этой самой опальной дочерью бывшего главы страны.

Понятно, что высокий пост Арипова и его связь с делом Гульнара Каримовой вряд ли соответствуют интересам президента по либерализации экономики внутри страны. Нынешний глава Узбекистана усилием лоббистских структур худо-бедно вернул высоких чиновников в стан «рукопожатых», избавив всех от «андижанского синдрома». Теперь он явно не желает вновь вернуться в изоляцию из-за нынешнего премьера, имя которого теперь всегда будет стоять наряду с сомнительными делами Каримовой.

Необходимость назначить более прогрессивного и реформаторского премьера без коррупционного прошлого может возникнуть и в связи с нынешним кризисным состоянием экономики страны. Тем более, чиновники среднего звена и бизнесмены Узбекистана постоянно отмечают, что стране необходим премьер — сторонник рыночной экономики.

Возможные сценарии

Так получит ли Узбекистан нового главу правительства до конца текущего года? Опрошенные мною несколько лидеров мнений и чиновники, близкие к администрации президента, сходятся во мнении, что смена премьера может произойти до конца

текущего года.

Одним из претендентов на высокое кресло называют нынешнего и. о. хокима Ташкента Джахонгира Артыкходжаева. Он уже долго не избавляется от приставки «и. о.», хотя в глазах начальства давно доказал свою эффективность. Ему даже доверили важный в имиджевом и инвестиционном плане участок — Tashkent City.

Джахонгир Артыкходжаев и Шавкат Мирзиёев.
Фото: xs.uz

При этом, Артыкходжаева оперативно продвинули сначала в члены городского кенгаша (совета – прим. ред.) Ташкента, а недавно избрали членом сената Олий Мажлиса (верхняя палата парламента).

В условиях авторитарного Узбекистана такие “инициативы” депутатам и сенаторам обычно спускают “сверху”. Учитывая, что кандидатуру премьер-министра, согласно конституции, выдвигает политическая партия с большинством в законодательной палате, то не исключено, что это — подготовка к формальной процедуре для назначения на премьерскую должность. Сценарий может быть такой, что впервые в истории Узбекистана главой кабинета назначат человека из самого двухпалатного парламента.

Для международной аудитории сценарий, возможно, обрисуют так: парламент Узбекистана объявит вотум недоверия премьер-министру, тот уходит в отставку, а взамен парламенту якобы предложат кандидатуру нового премьера из их же рядов, и процедура назначения нового премьера пройдет в рамках соблюдения всех формальностей Конституции.

Это вариант первого кандидата, но он пока не один.

Другим претендентом на этот пост рассматривают нынешнего самаркандского хокима Эркинжона Турдимова. Он хорошо проявил себя на различных управленческих должностях хозяйственной сферы, в том числе в качестве управленца Навоийской и Сурхандарьинской областями. Самое главное, что и в имиджевом плане у него все в порядке: о нем не единожды публично хорошо отзывался президент и призывал других хокимов равняться на Турдимова. Плюс многие жители в Сурхандарье отмечают, что его популярность в области носит реальный характер.

Эркинжон Турдимов. Фото: gazeta.uz

Но это только наиболее вероятные и видимые кандидаты, тогда как их может быть намного больше.

Политические формальности

Спустя два года, после прихода Шавката Мирзиёева к власти, в Узбекистане четко обозначились два параллельных трека. Первый — усиление региональной кооперации с соседними странами и восстановление прагматичных и гибких подходов Ташкента по отношению к Таджикистану и Кыргызстану. Второй трек — это продолжающаяся неопределенность во внутривнутриполитической жизни страны: многие анонсируемые реформы либо буксуются, либо оставлены на самотек.

К примеру, узбекский экономист Юлий Юсупов отмечает, что если либерализация валютного рынка на сегодняшний день — самое главное достижение в экономической сфере правительства, то в аграрной реформе многие решения лишь усиливают административное давление на фермеров.

Кроме того, власти хоть и приняли концепцию административной реформы, до сих пор нет плана действий по ее реализации, и многие благие намерения пока остаются на бумаге.

Заметно, что у президента есть желание реформировать и привести в порядок некоторые сферы в социально-экономической жизни страны. Но какие именно реформы ему нужны сейчас — понять очень сложно. Нужны ли ему комплексные институциональные реформы или сугубо экономические?

Наблюдая, как он общается с чиновниками, и какие требования ставит перед своими подчиненными, невольно ощущаешь, что Мирзиёеву нужны обычные крепкие хозяйственники, которые должны за короткий срок вывести район/область/предприятие/ферму на передовые позиции, а также догнать и перегнать высокие показатели.

Шавкат Мирзиёев и Абдулла Арипов во время посещения махалли в Алмазарском районе Ташкента . Фото: president.uz

В свою очередь в стране и обществе на местах наблюдается имитация реформ: каждый строит из себя модернизатора и реформатора. Однако пока ни президент, ни правительство не пытаются изменить общество, не собираются укреплять принцип незыблемости частной собственности, не уничтожают неофеодальную модель управления, основанную на брачных и родственных связях.

В такой обстановке президент утверждает, что стране необходимы системные

реформы, увеличение производительности, повышение конкурентоспособности продукции, стабилизация и перестройка экономики. Однако ничего этого так и не наблюдается.

Опрошенные мною некоторые эксперты, близкие к администрации президента и правительства, отмечают, что сегодня республике необходимо технократическое правительство, то есть во главе должен стоять убежденный «рыночник». Они сходятся во мнении, что идеальный вариант – это иметь во главе правительства того, кто уже отлично проявил себя в руководстве компании, кто знает особенности рынка не понаслышке, а в реальности.

Претензии к главе кабинета могут быть какие угодно, но ради объективности, нужно заметить: не все они справедливые. Надо понимать: премьер Узбекистана не формирует правительство, как это делается в парламентских республиках, и не назначает/увольняет министров.

Многие министры назначаются президентом. То есть правительство в Узбекистане не самостоятельно, ничего не решает, а занимается лишь претворением в жизнь решений президента.

От смены премьер-министра атмосфера внутри страны не подвергнется изменениям, так как реальным главой правительства остается президент, который поручает руководителю кабинета претворять в жизнь свои повестки на местах.

Какой в этой ситуации будет судьба реформ? В этом отношении, будучи большим любителем трудов Арнольда Тойнби, замечу, что наиболее реальный сценарий в среднесрочной перспективе – это когда процесс активности реформистского пыла президента будет проходить с некоторой эффективностью на первой стадии, которая может привести к фатальной закостенелости, и, наконец, к надлому.

Данный материал подготовлен в рамках проекта «Giving Voice, Driving Change — from the Borderland to the Steppes Project», реализуемого при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии. Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.